

Ли Сюлань сидела рядом с Чэнь Циньцином и, обращаясь к нему, сказала:

— Я только что говорила с братом о твоих делах, и они находят это невероятным, даже не верят, что у тебя есть такие способности.

Чэнь Циньцин молчал.

Старший брат Ли Сюлань, Ли Хуайчжэн, смотрел на Чэнь Циньцина, не говоря ни слова, но его присутствие уже ощущалось как нечто устрашающее.

Казалось, что перед ним ни одна мысль не могла остаться скрытой.

Прежде чем Чэнь Циньцин успел что-то сказать, его племянница Ли Линлин уже поспешила защитить его:

— Дядя, мама говорит правду. В последние дни со мной постоянно происходили мелкие неприятности, я даже боялась выходить из дома. Мне было страшно, что меня может сбить машина, поэтому я даже боялась идти к врачу.

Услышав это, Ли Хуайчжэн снова посмотрел на Чэнь Циньцина, продолжая изучать его, словно пытаясь проникнуть в самую суть его личности.

Под таким давлением Чэнь Циньцин оставался невозмутимым, спокойно сидя на месте, словно гора.

Молодые люди рядом с Ли Хуайчжэном, наблюдая за этим, прониклись к Чэнь Циньцину уважением.

Пусть пока неизвестно, действительно ли у Чэнь Циньцина есть способности, но то, что он смог выдержать такое давление от их лидера, уже заслуживает восхищения.

Чэнь Циньцин производил на них впечатление не семнадцатилетнего юноши, а человека, равного их лидеру.

Это заставило их почувствовать некоторую неловкость.

Ведь они следовали за своим лидером уже много лет, но не могли сравниться с этим юношей...

Ли Линлин, как член семьи Ли Хуайчжэна, естественно, не боялась своего дяди, поэтому говорила свободно, несмотря на его высокий статус.

Их семья достигла сегодняшнего положения во многом благодаря этому дяде.

— Сейчас мне стало лучше только потому, что он провёл ритуал на моём нефритовом Будде, — сказала Ли Линлин.

Говоря это, она достала свой нефритовый Будду и показала всем.

Ли Хуайчжэн, увидев нефритового Будду, попросил:

— Могу я взглянуть на него?

Ли Линлин без колебаний сняла нефритового Будду и передала его Ли Хуайчжэну.

— После того как я надела этого заговорённого нефритового Будду, со мной больше не происходило неприятностей, и я смогла позволить маме отвести меня к врачу.

Ли Сюлань кивнула, подтверждая:

— По пути в больницу я волновалась, но всё прошло спокойно, и я смогла успокоиться.

Ли Хуайчжэн, перебирая в руках нефритового Будду, не нашёл ничего необычного и снова посмотрел на Чэнь Циньцина...

Как бы невзначай он передал нефритового Будду сидящему рядом с ним пожилому мужчине.

Тот, получив нефритового Будду, прищурился и внимательно начал его изучать.

Так же, как Ли Хуайчжэн пытался разглядеть что-то в Чэнь Циньцине, этот пожилой мужчина пытался найти что-то в нефритовом Будде...

В этот момент Чэнь Циньцин заговорил:

— Это преувеличение. Ситуация Ли Линлин не настолько критична, чтобы угрожать жизни.

Ли Сюлань посмотрела на Чэнь Циньцина и покачала головой:

— Даже мелкие неприятности доставляют дискомфорт, поэтому лучше, чтобы они не происходили.

Чэнь Циньцин поправил:

— Этот нефритовый Будда не может полностью предотвратить несчастные случаи.

Ли Сюлань удивилась:

— Что?

— Его роль заключается лишь в том, чтобы стабилизировать удачу Ли Линлин, которая подверглась ненормальному воздействию.

— А? — не поняла Ли Линлин.

Чэнь Циньцин посмотрел на Ли Линлин:

— Несчастные случаи, которые должны произойти в твоей жизни, всё равно произойдут, и та часть удачи, которой тебе не хватает, также может в любой момент настигнуть тебя.

Ли Линлин смотрела на него в замешательстве.

— То, что ты сейчас переживаешь, — это нормальная часть твоей жизни. Поэтому тебе лучше отказаться от мысли использовать этого нефритового Будду как защитный талисман, это не принесёт тебе пользы.

— Но...

Она открыла рот, но, вспомнив, что Чэнь Циньцин уже говорил ей об удаче, закрыла его, не спрашивая, есть ли другие способы.

Ли Линлин, испытывая к Чэнь Циньцину странное доверие, посмотрела на него и кивнула:

— Хорошо, я поняла.

Поскольку Ли Линлин уже сказала, что поняла, Чэнь Циньцин больше не стал продолжать.

В этот момент пожилой мужчина наконец оторвал взгляд от нефритового Будды и, с глубоким взглядом, посмотрел на Чэнь Циньцина, улыбаясь:

— Мальчик, не скажешь по твоему возрасту, но в этом вопросе ты, похоже, разбираешься.

— Немного, — ответил Чэнь Циньцин.

Пожилой мужчина засмеялся:

— Перед твоим приходом мы слушали запись твоего разговора с Ли Линлин, и это не похоже на «немного».

Чэнь Циньцин, услышав это, посмотрел прямо на пожилого мужчину и сказал:

— Тогда я скажу прямо: в этом вопросе я могу назвать себя мастером, и в этом мире нет никого, кто мог бы сравниться со мной.

Эти слова вызвали полную тишину в комнате.

Даже Ли Линлин была ошеломлена внезапной самоуверенностью Чэнь Циньцина, она всегда считала его скромным и сдержанным юношей.

А Чэнь Циньцин, на которого все смотрели, оставался спокойным, как будто его слова были абсолютной правдой, без капли преувеличения.

Один из молодых людей рядом с пожилым мужчиной не выдержал и фыркнул:

— Какая наглость!

Чэнь Циньцин спокойно взглянул на говорившего, но ничего не сказал.

Но тот молодой человек не смог сдержаться и продолжил:

— Ты знаешь, кто мы? Как ты смеешь здесь разглагольствовать?!

Чэнь Циньцин лишь слегка покачал головой, показывая, что не знает, кто они.

Пожилой мужчина, сидящий рядом с молодым человеком, бросил на него строгий взгляд, но не стал его останавливать.

Очевидно, этот взгляд был сделан лишь для вида.

Молодой человек с гордостью сказал:

— Знай, мы — Небесные Наставники из Храма Цинъюнь, а мой учитель — известный Небесный Наставник Чжан Даолин! Среди Небесных Наставников, будь то настоящие или поддельные, все знают имя моего учителя! Даже если они не видели его лично, то точно слышали о нём!

Чэнь Циньцин, глядя на улыбающегося пожилого мужчину, покачал головой:

— Простите, я не очень знаком с этим кругом и пока не имел возможности узнать о других Небесных Наставниках, поэтому...

Чэнь Циньцин не закончил фразу, но все в комнате поняли его скрытый смысл.

Он не знал Чжан Даолина.

Это было немного неловко.

Молодой монах, глядя на Чэнь Циньцина, широко раскрыл глаза, полный недоверия:

— Что? Ты не знаешь моего учителя? Это невозможно! Разве что ты не настоящий Небесный Наставник!

— Чжан Шань! — строго сказал пожилой мужчина.

Только тогда молодой монах понял, что сказал лишнее, и смущённо замолчал.

Когда Чжан Шань умолк, пожилой мужчина повернулся к Чэнь Циньцину и спросил:

— Скажи, у кого ты учился?

— У меня нет учителя, — ответил Чэнь Циньцин.

Чжан Даолин удивился:

— Нет учителя? Тогда как ты попал в круг Небесных Наставников?

— Случайно.

— Как? Не можешь сказать?

Чэнь Циньцин улыбнулся, но ничего не ответил.

Чжан Даолин решил, что Чэнь Циньцин не хочет раскрывать, у кого он учился, и больше не стал настаивать на этом вопросе.

В конце концов, если бы они продолжили настаивать, это было бы крайне невежливо.

Главным образом, манера Чэнь Циньцина заставляла их воспринимать его не как младшего, а как равного.

Они вдруг осознали, что все действия Чэнь Циньцина с момента его прихода влияли на них, не позволяя им недооценивать его.

Даже его, казалось бы, самоуверенное заявление оставило в их сердцах не образ наглого юнца.

Напротив, они захотели узнать, откуда у Чэнь Циньцина такая уверенность и действительно ли он так силён, как говорит.

Чэнь Циньцин стал для них загадкой, которую они невольно хотели разгадать.

Он был подобен необработанному камню, который они хотели расколоть, чтобы узнать, действительно ли нашли сокровище.

<http://bllate.org/book/16138/1446089>